

хних этажах которого располагались помещения для проведения переговоров. В Брюгге знаменитое здание купца Ван дер Берса строилось как гостиница для купцов. В XII в. здесь стали собираться купцы, чтобы совершать торговые сделки и обсуждать свои дела.

В Лионе на улице Сен-Жан стоит Адвокатский дом XVI века, который также был в свое время постоянным двором.

Жители ярмарочных городов стремились извлечь прибыль от проведения ярмарки, предлагая услуги приезжавшей публике. К концу средневековья в Лионе действовали 24 таверны, проживали 32 парикмахера, 56 портных, 44 рыбных торговца, 36 мясников, 36 пекарей, располагались 25 постоялых дворов. Для Брюгге также было характерно большое количество трактиров и пивных.

Иногда и католическая церковь не оставалась в стороне от столь прибыльного дела. В 1183 г. в Булле папы Луция III говорилось, что монастырь собора св. Петра в Труа числил среди своих домовладельцев мирян, вплоть до жонглеров, игроков, трактирщиков и даже женщин легкого поведения, нанимавших там дома. Папа приказал собственникам самим проживать в своих домах или сдавать их духовным лицам [3].

Подведем итог. Историко-культурная топография ярмарочных городов имела сходные черты, характерные для средневековых городов в целом. Это связано с тем, что возникновение ярмарочных городов было обусловлено общими для средневековых городов причинами. Однако не все города становились ярмарочными. Даже крупные торговые центры в Западной Европе не были ориентиро-

рованы на широкую международную торговлю. Для возникновения ярмарочного города необходимо было наличие факторов как природного, так и социально-экономического порядка. Проведение широкой ярмарочной торговли сыграло важную роль в развитии ярмарочного города, что отразилось на его историко-культурной топографии. Для ярмарочных городов было характерно наличие большого количества торговых площадей, улиц, купеческих построек, объектов, направленных на обслуживание участников процесса купли-продажи.

Не менее важную роль в формировании историко-культурной топографии сыграл и социальный фактор. Наличие большого количества иностранцев, наплыв во время проведения ярмарки людей, а также особая ментальность, присущая жителям ярмарочного города, сыграли свою роль в создании историко-культурного облика ярмарочного города.

Библиографический список

1. История средних веков (в двух томах): учебник / под ред. С.Д. Сказкина и др. Изд. 2-е, перераб. Т. 1. – М., 1977. – 471 с.
2. Иванов К.А. Многоликое средневековье. – М.: Алетея, 2001. – 432 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tululu.ru/read54032/> (дата обращения: 26.02.2012).
3. Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. – СПб.: Евразия, 1999. – 414 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tululu.ru/b52441/> (дата обращения: 26.02.2012).
4. Richard van Dülmen. Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit. B. 2: Dorf und Stadt, 16–18. Jahrhundert. – München, 2005. – 373 s.

УДК 929(571.12)

Савченкова Татьяна Павловна

кандидат филологических наук

Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова
stp@42r.ru

П.П. ЕРШОВ И Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ: НОВОЕ В ИСТОРИИ РОДСТВЕННЫХ И ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На основе выявленных архивных материалов, преимущественно из Музея-архива Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге, раскрываются родственные и дружеские связи П.П. Ершова и Д.И. Менделеева и роль учёного в издании сказки «Конёк-Горбун».

Ключевые слова: П.П. Ершов, Д.И. Менделеев, М.Д. Менделеева, М.А. Жилина, Ф.Н. Лещёва, Н.Н. Лещёв, письма, издания сказки «Конёк-Горбун».

В биографической литературе, посвящённой самым знаменитым уроженцам Западной Сибири, просматривается единая схема: Пётр Ершов – ученик Ивана Павловича Менделеева, директора Тобольской гимназии с 1827 по 1834 гг. (Пётр и его брат Николай обучаются здесь с апреля 1827 по 1830 гг.), а Дмитрий Менделеев – ученик Петра Павловича Ершова, учителя и инспектора гим-

назии, в которой будущий создатель периодического закона получал образование с 1841 по 1849 гг.

Данной схемой и ограничиваются биографы. Иногда эта канва наполняется «беллетристическими» подробностями вымышленного свойства, одна из которых – заветная детская тетрадка Дмитрия Ивановича с переписанными в неё стихами Ершова (факт существования которой не доказан):

*Рождённый в недрах непогоды,
В краю туманов и снегов,
Питомец северной природы
И горя тягостных оков, –
Я был приветствован метелью,
Я встречен дряхлою зимой,
И над младенческой постелью
Кружился вихорь снеговой*

*Я полюбил людей, как братий,
Природу – как родную мать,
И в жаркий круг моих объятий
Хотел живое всё созвать...*

Эти строки цитирует биограф учёного О.Н. Писаржевский, замечая, что сами стихи в пору знакомства с ними юного Менделеева ещё не были напечатаны [21, с. 68–69], хотя в действительности стихотворение «Послание к другу», частью которого и являются вышеприведённые строки, было опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» ещё в 1836 году. Та же самая «тетрадь» упоминается без ссылки на её местонахождение и в современном юбилейном научном издании «Д.И. Менделеев и Тобольск» [5, с. 37–38].

Безусловно, только обращение к архивным источникам, их систематизация и объективное изучение позволяют увидеть новые грани этой темы, отделить достоверное от выдумки, а также дополнить и уточнить наши представления о ранее известных фактах семейных и дружеских контактов Ершова и Менделеева.

С этой точки зрения очень ценным и не изученным во всей его полноте документом является запись о рождении Д.И. Менделеева в метрической книге Тобольской Богоявленской (Богородицкой) церкви: *...Генваря двадцать седьмого дня [1834 г.]: Тобольской гимназии директора надворного советника Ивана Павлова Менделеева от законной его жены Марьи Дмитриевой родился сын Димитрий. Восприемники: исправляющий должность начальника VII-го округа жандармский полковник и кавалер Александр Петров Маслов и коллежская ассесорша Марья Александрова Жилина, тобольский I-й гильдии купец коммерции советник Николай Стефанов Пилёнков, Ялutorовского города 3-й гильдии купца Ивана Петрова Пилёнкова жена Ольга Иванова... Крещён священником Василием Поповым с помощью дьячка Ивана Сапожкова [3].*

Эта запись может быть дополнена и даже скорректирована копией метрического свидетельства за № 4038 о рождении Дмитрия Ивановича из Музея-архива Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге (далее – НАМ СПбГУ): *По Указу Его Императорского Величества Тобольская духовная консистория вследствие прошения надворного советника Ивана Менделеева о выдаче ему метрического сви-*

детельства о рождении сына его Дмитрия на предмет отдачи его в казённое заведение для обучения дала сие свидетельство на основании Указа Святейшего Правительствующего Синода 8 июня 1809 года, состоявшего в том, что в хранящейся в архиве сей консистории метрической Градо-Тобольской Богоявленской церкви тетради за 1834 год в I-й части о родившихся под № 2 значится: Тобольской гимназии у директора надворного советника Ивана Павлова Менделеева от законной его жены Марьи Дмитриевой сын Димитрий родился 27, а крещён 30 Генваря; восприемниками были: исправляющий должность начальника 7-го округа жандармов, полковник и кавалер Александр Петров Маслов и коллежская ассесорша Марья Александрова Жилина; тобольский I-й гильдии купец коммерции советник Николай Степанов Пилёнков и города Ялutorовска 3-й гильдии купца Ивана Петрова Медведева жена Ольга Иванова.

Сентября 25 дня 1839 года. На подлинном подписано: кафедральный протоиерей Пётр Фелицын. Секретарь Бокреев. Столоначальник Бенедиктов. (М.П.) У сего Тобольской духовной консистории печать» [9].

В год рождения будущего учёного Пётр Павлович Ершов находился в Санкт-Петербурге, через несколько месяцев девятнадцатилетний студент университета стал известен всей России своей сказкой «Конёк-Горбунок». Но его родные со стороны матери и отца жили в Сибири, и, ознакомившись внимательно с метрической записью, мы увидим рядом с младенцем Менделеевым настоящих или будущих родственников Ершова.

Кто же они? Николай Степанович (Стефанович) Пилёнков (1789–1858) – двоюродный брат матери Ершова Ефимии Васильевны, урождённой Пилёнковой, купец-миллионер, известный своей благотворительной деятельностью в Тобольске. Николай Степанович с большой заботой относился к своим племянникам – Петру и Николаю. Братья Ершovy проживали в его доме во время учёбы в Тобольской гимназии [27], а по возвращении в Сибирь из столицы в 1836 году Пётр и Ефимия Васильевна (Павел Алексеевич умер в 1833 году во время командировки в Херсон, а Николай в 1834 г. в Петербурге) почти год жили во флигеле дома Пилёнкова на Захарьевской улице [28].

Н.С. Пилёнков и, соответственно, П.П. Ершов станут родственниками Менделеевых, когда старшая сестра Дмитрия Ивановича – Ольга Ивановна (1815–1866) в семнадцатилетнем возрасте выйдет замуж за купца Ивана Петровича Медведева. Мать Ивана Петровича – Евдокия Семёновна – происходила из рода Пилёнковых и являлась родной сестрой Василия Пилёнкова – деда П.П. Ершова по матери, и Степана Пилёнкова – отца Николая Степановича. Иначе говоря, двоюродный дядя Пет-

ра Павловича был женат на родной сестре Дмитрия Ивановича.

Отношения между Николаем Степановичем Пилёнковым и Иваном Петровичем Медведевым были очень хорошими. В своём письме к родственникам мужа от 13 мая 1833 года Марья Дмитриевна Менделеева писала:

А Вас, любезнейшая матушка, покорнейше прошу принять в число Ваших внучат и данного нам Богом доброго и умного зятя, он не чиновник, но по своему благосостоянию и обширным заведениям заслужил внимание высшего начальства и прошлого года за устройство его фабрик ему помилована от Государа Императора медаль. Оленька наша счастлива и богата, имеет добрую и почтенную свекровь, но у мужа её нет родных, ни братьев, ни сестёр, а высватал её и был посажёным отцом двоюродный брат Ивана Петровича здешний миллионщик и коммерции советник Николай Степанович Пилёнок, который зятя нашего любит как родного брата [4, с. 179].

Это письмо объясняет ошибку, допущенную в метрической записи 1834 года, где Ольга Ивановна (сестра и восприемница Д. Менделеева) названа женой Ивана Петровича **Пилёнкова**, а не Медведева. Ошибка будет замечена и исправлена в копии метрического свидетельства за 1839 год.

Иван Петрович Медведев – личность для Сибири примечательная. Он был хорошо знаком с декабристом И.Д. Якушкиным и занимался устройством приходского училища для мальчиков в Ялуторовске. Одним из первых Медведев завёл в этих краях стеклянную фабрику, его предприятие процветало и укреплялось, но тяжёлая болезнь в 1841 году не позволила дать отпор конкурентам, фабрика была продана за долги, а её владелец умер 4 января 1842 года. Овдовевшая Ольга Ивановна через пять лет вышла замуж за декабриста Николая Васильевича Басаргина и вновь вернулась в Ялуторовск, где жила до 1857 года (окончания ссылки супруга).

Небезынтересна судьба крёстной матери Дмитрия Менделеева – Марьи Александровны Жилиной (1792–1870), урождённой Павлуцкой, близкой подруги Марьи Дмитриевны Менделеевой. Именно Марья Дмитриевна способствовала браку Марьи Александровны с Петром Дмитриевичем Жилиным, военным в отставке, бывшим адъютантом генерала Платова. В 1829 году овдовевший П.Д. Жилин, отец четверых детей, отправил из Уфы, где он тогда находился, письмо Марье Дмитриевне с просьбой содействовать в согласии М.А. Павлуцкой, которую он знал ещё в ранней молодости, выйти за него замуж. Марья Дмитриевна, как показывают её письма, уговорила Марью Александровну согласиться на союз с Петром Дмитриевичем. Брак был заключён в 1830 году [23, с. 102–117].

Семья Жилиных была близка Менделеевым на протяжении многих лет, и столь же длительными ока-

зались отношения с семьёй Ершовых. М.А. Жилина являлась родственницей Серафимы Александровны Лещёвой, урождённой Протопоповой, которая в 1839 году вышла замуж за П.П. Ершова [22, с. 35–38].

И после смерти Серафимы Александровны (1845 г.) Марья Александровна не утратила родственных чувств к П.П. Ершову и стала восприемницей его детей от второго и третьего браков. В книге «Памятник Веры» – православном церковном календаре и одновременно семейной летописи Ершовых, сохранившейся в фондах Тобольского музея, рукой поэта записано имя Марьи Александровны Жилиной как восприемницы семерых его детей – Людмилы (23 сентября 1848), Ольги (8 апреля 1850), Надежды (15 мая 1851), Юлии (8 мая 1852), Серафимы (16 сентября 1853), Николая (4 ноября 1854), Владимира (9 февраля 1856). Вторым восприемником у пятерых детей являлся Николай Степанович Пилёнок.

Возвращаясь к Марье Дмитриевне Менделеевой, следует сказать, что в её переписке с родственниками неоднократно встречается имя П.П. Ершова. В письме от 14 июля 1840 г. в Омск к дочери Екатерине Ивановне, вступившей годом ранее в брак с чиновником Главного управления Западной Сибири Яковом Семёновичем Капустиным, Марья Дмитриевна рассказала о посещении старинного тобольского Завального кладбища. С ней были и её сыновья:

Молитва в церкви меня оживила и мы – т.е. я, Ваня, Паша и Митя (Дмитрию Менделееву в это время шесть лет. – Т.С.) из собора проехали на кладбище. Там поклонилась я праху моих родителей, сестёр, братьев, детей. Когда мы возвращались, Ванечка показал мне памятник над могилой матери Петра Павловича Ершова, много мною уважаемого человека. Я подошла и прочитала эпитафию и велела списать. Она кратка, но в ней видны чувства христианина. Вот она:

*Пускай для глаз мрачна земли утроба,
Но ты её темницей не зови:
Она светла для веры и любви. –
Благоговей пред тайной гроба
И сень могил благослови...*

Верно и вы сделаете памятник над прахом незабвенной Машеньки (дочь-младенец Капустиных. – Т.С.), и мне бы хотелось, чтобы Пётр Павлович написал эпитафию. Мысль, парящая в небесах, светлость могил для веры и любви, и воздух, коим я дышала, освежил мою голову, я покойнее, веселее возвратилась домой. – Я совершенно уверена, что Господь утешит меня ещё именем бабушки, и я снова приеду к вам в Омск и порадовать на вас [23, с. 49].

Сама того не ведая, Марья Дмитриевна сохранила для истории литературы ершовские поэтические строки, которыми ещё предстоит пополнить собрание его стихотворений.

Ершов принимал участие в судьбе сына Я.С. Капустина от первого брака – Семёна, который в детстве жил в Тобольске в семье Ивана Павловича и Марьи Дмитриевны Менделеевых. 17 августа 1844 года Марья Дмитриевна пишет Капустиным:

Вчера была я у Ершовых, и насчёт Сенечки Пётр Павлович говорит, что если бы он, приехав в октябре, выдержал экзамен за 4-й класс, то мог бы тогда поступить в 5-й класс, с тем, чтобы догнать учеников в том, что пройдено будет в два месяца с начала курса [23, с. 64].

Сообщая о похоронах супруга в письме от 20 октября 1847 года, Марья Дмитриевна особо отмечает участие в них Ершова:

Да наградит Бог Петра Павловича Ершова за настояние почтить память усопшего при погребении увольнением гимназистов – певчих и гг. учителей. Евгений Михайлович (Качурин – директор гимназии. – Т.С.) согласился и сам провожал гроб, а Пётр Павлович с господами-учителями несли до церкви, а потом все провожали до могилы, и по возвращении с кладбища учащие и учащиеся в лице родственников Ивана Павловича у нас обедали [23, с. 92].

Значимым источником информации по данной теме являются письма первой жены Ершова Серафимы Александровны своим родственникам Протопоповым в Петербург, сохранившиеся в Музее-архиве Д.И. Менделеева. Дети Серафимы Александровны от первого брака, пасынки и падчерицы Ершова – Александр, Феозва, Александра и Николай, на разных этапах своей жизни окажутся непосредственно связаны с Дмитрием Менделеевым, а также его братьями и сёстрами.

В 1840-х гг. дети Менделеевых посещали дом Ершова. В письме от 15 января 1842 г. Серафима Александровна рассказывала Протопоповым о состоявшемся у губернатора новогоднем бале-маскараде:

Саша старший (Александр Никитич Лещёв. – Т.С.) просил, чтобы его как-нибудь замаскировали, без дальних хлопот его одели вотячкой, а товарищ с ним был Менделеев в охотничьем платье... [10].

Серафима Александровна имела в виду старшего сына Менделеевых – Ивана, с которым Александр учился на одном курсе в тобольской гимназии. Иван и Александр одновременно окончили это учебное заведение в 1843 году. В этом же письме есть упоминание о просьбе М.Д. Менделеевой взять на ёлку вместе с детьми Серафимы Александровны и Машеньку Менделееву.

Старший пасынок Ершова – Александр Лещёв с детства проявлял хорошие художественные способности, получал уроки рисования у учителя искусств тобольской гимназии Генриха Фридриховича Мертлича и выполнял портреты Менделеевых: в архиве сохранились карандашные рисунки Екатерины Ивановны Капустиной – старшей дочери Менделеевых, а также Ивана и Павла Менделеевых.

Было ли какое-то воздействие на формирование личности Менделеева со стороны П.П. Ершова в гимназические годы? Свидетельств об этом не сохранилось, а в числе преподавателей, упоминаемых Менделеевым в автобиографии, имени Ершова мы не найдём. В своих биографических заметках, написанных незадолго до смерти в 1906 году, Дмитрий Иванович отметил других педагогов:

Учителя, которых помню: Желудков (Шелутков Денис Петрович. – Т.С.) – чистописания и рисования, Волков – французского языка, латинского языка в старших классах, Иван Карлович Румель – математики и физики, Доброхотов – истории, Михаил Лонгинович Попов – зять наш (М.Л. Попов был женат на Марии Ивановне Менделеевой. – Т.С.) – законоведения. Латынь: Пётр Кузьмич «Редька» (П.К. Резанов. – Т.С.), очень не любили, доходило до драки... [2, с. 13–14].

Ершов, по всей видимости, не был учителем Менделеева, так как с 1844 г. занимал место инспектора гимназии и свою дисциплину – русскую словесность и логику, передал Александру Васильевичу Плотникову, который вёл её с 1844 по 1863 гг.

14 июня 1849 г. Менделеев получил аттестат об окончании гимназии, подписанный исправляющим должность директора гимназии и училищ Тобольской губернии, инспектором гимназии коллежским советником Петром Ершовым и секретарём педагогического совета гимназии, старшим учителем математики Николаем Стукальским [25, с. 46].

В середине 1849 года М.Д. Менделеева с сыном Дмитрием и дочерью Елизаветой выехала в Москву, где пыталась хлопотать разрешение на поступление Дмитрия в Московский университет. После неудачи в Москве Менделеевы весной 1850 г. приехали в Петербург и остановились в семье Скерлетовых. Александра Петровна и её дети: Николай, Софья, Юлия и Пётр – знакомые Менделеевых по Тобольску, уже несколько лет проживали в Петербурге. В августе этого же года Дмитрий Менделеев стал студентом Главного педагогического института, а после смерти матери, скончавшейся 20 сентября, и сестры Елизаветы, умершей в 1852 году, он остался в столице без самых близких ему людей. Поддержку Менделееву в это время и в дальнейшем оказывали бывшие сибиряки – Скерлеты, Ивановы, Погожевы, Протопоповы. Дружеское чувство возникло у Дмитрия к племяннице Владимира Александровича и Марии Фёдоровны Протопоповых Феозве Никитичне Лещёвой.

Феозва – старшая падчерица Ершова, была привезена в Петербург одиннадцатилетней девочкой ещё в 1839 году, а после учёбы в московском Екатерининском институте, который окончила в 1845 году, она вернулась в дом дяди. Доброе, почти родственное отношение к этой девушке, окрашенное мягким юмором, сквозит в письме Менделеева от 19 октября 1856 года к Протопоповым из

Симферополя. В гимназии этого города Дмитрий Иванович, получивший аттестат об окончании института, должен был занять место старшего учителя естественных наук, чему помешали военные действия в Крыму:

...Прошу ещё раз – утешьте меня вашим письмом, а Феозве Никитичне без застенчивости спешу приносить обещание – отвечать на каждое письмо. В военной стране и я научился требовательности и жестокости – я знаю, как тяжело для Феозвы Никитичны писать письмо. Уверен впрочем, что мне простят эту эгоистическую жестокость. Уважающий и любящий вас Д. Менделеев [25, с. 113].

И в заграничных письмах 1859–1860 гг. он делился с Феозвой своими путевыми впечатлениями от Швейцарии и Италии и обсуждал роман Гончарова «Обломов». Феозва Никитична хорошо знала русскую и зарубежную литературу, в её бумагах девической поры (НАМ СПбГУ) сохранились рукописные копии поэмы Н.А. Некрасова «Саша», М.Ю. Лермонтова «Кавказский пленник», отрывки из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», фрагменты «Евгения Онегина», тетради со стихами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, конспекты статей о Фете, Шопене, Станкевиче, Карлейле, Гёте, Карамзине. Высылал ей свои стихи из Тобольска и «папенька» – так все дети Лещёвы называли отца П.П. Ершова. На протяжении многих лет Ершов оказывал своей падчерице материальную и духовную поддержку, особенно помогая ей после смерти Серафимы Александровны в 1845 году. К сожалению, многие звенья этой переписки выпали, а из неё, по всей видимости, можно было узнать и о посещениях дома Протопоповых студентом Менделеевым.

20 марта 1858 года Ершов, в то время директор Тобольской гимназии и училищ Тобольской губернии, приехал в Петербург для встречи с министром просвещения. Он находился в городе своей юности до 1 мая и, как свидетельствовал биограф Ершова и университетский друг А.К. Ярославцов, много времени проводил у Протопоповых [20, с. 173]. Имени Менделеева Ярославцов в своей книге о Ершове ни разу не назовёт, что, конечно же, не должно удивлять – слава придёт к учёному значительно позднее. Но о встречах Ершова и Менделеева в Петербурге, а также о существовавшей между ними переписке говорит письмо Петра Павловича к своему молодому земляку от 13 августа 1858 года, сохранившееся в научном архиве Менделеева. Оно печаталось только в виде небольшого фрагмента в книге первых биографов учёного В.Е. Тищенко и М.Н. Младенцева и в полном объёме публикуется впервые:

Ваше письмо, уважаемый Дмитрий Иванович, доставило мне много отрадных минут. Оно напомнило мне и Петербург, и интересные личнос-

ти, которые по разным разностям стали мне представляться уже в тумане прошедшего. Благодарю Вас за сообщённые мне новости; некоторые из них действительно для меня новы. Не могу не высказать грустного чувства при Вашем отзыве о М[инистре] Н[ародного] Пр[освещения], но утешаю себя, что недовольность его может быть только кажущаяся, что он пока ещё всматривается... иначе к чему все эти перемены? Улыбнитесь, если угодно, но я всё таки хочу принадлежать к оптимистам или к тем добрякам, которые не потеряли ещё веру в лучшее, которые охотнее объясняют дело с светлой его стороны или, за неимением её, расцвечивают тёмную.

А то придётся не один раз повторить грустный отзыв Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!» А что слова мои выходят из убеждения – религиозного или человеческого, в этом мало нужды – доказательством этого пусть послужит для Вас, что эти слова пишутся человеком, у которого ревматизм вопиет с нуждой ко мне, который недавно ещё вместо радостной встречи с семейством видел гроб милой дочери, и который след[овательно] имел полное право удержаться от похвального слова судьбе и жизни.

Благодарю заранее за обещанную фотографию картины Иванова. Думая об его участии, невольно припоминаю многозначительные слова: «к своим прииде и свои его не прияша...». Оптимизм мой тут должен бы потерпеть полное крушение, но позвольте ему схватиться за якорь апофеозы и удержаться в своём убеждении.

Ради Ваших атомов, из которых всё и в которых всё, не скупитесь дарить меня Вашими письмами. Если позволите, я сообщу Вам рецепт, который облегчит Вам исполнение моей просьбы. Возьмите почтовый листок и каждый день, отходя ко сну, черкните и мне, что слышно нового. Когда листок наполните, (а при нынешних обстоятельствах это может совершиться в очень короткое время) суньте его в конверт и отправляйте Ершову в Тобольск. А я буду молить Бога, чтобы он каждый день давал Вам четверть часа свободного времени.

Настоящее письмо моё, писанное с час по получении Ваших строк, должно служить для Вас удостоверением – как приятно было получить от Вас известие. Обыкновенно я отвечаю через полгода, откладывая по сибирскому обычаю от почты до почты.

Храни Вас Бог!

Душевно уважающий Вас П. Ершов [11].

Письмо несёт на себе отпечаток доверительных отношений, сложившихся между Ершовым и Менделеевым в Петербурге. По-видимому, в своём послании в Тобольск Дмитрий Иванович сообщал о каких-то личных неприятностях, связанных с назначением на пост министра народного просвеще-

ния Евграфа Петровича Ковалевского, заменившего в марте 1858 года Авраама Сергеевича Норова. В 1857–1858 гг. Д.И. Менделеев – приват-доцент Петербургского университета по кафедре химии – сотрудничал в журнале Министерства народного просвещения, редактором которого в эти годы являлся бывший университетский преподаватель Ершова Александр Васильевич Никитенко. Норов и Никитенко способствовали выходу в 1856 году четвёртого издания ершовской сказки, которая долгое время находилась под цензурным запретом. Из контекста данного послания можно предположить, что все эти лица, общие знакомые Ершова и Менделеева, упоминались в их переписке.

Грустное настроение Дмитрия Ивановича, которое пытается рассеять своим письмом Ершов, вызвано и остро переживаемым молодым Менделеевым чувством одиночества. Годом ранее он получил отказ от Сонечки Каш, дочери бывшего управляющего Тобольской казённой аптекой Марка Ефимовича Каша, переехавшего с женой и дочерью в Петербург. Утешая Менделеева, Ершов упоминает и о своей личной драме – смерти 14 июня годовалой дочери Надежды, восьмого ребёнка в пережитой им горестной череде детских утрат.

Письмо позволяет говорить и об общем для Ершова и Менделеева интересе к живописи. Находясь в Петербурге, Пётр Павлович посетил выставку в Академии художеств, а вскоре после его отъезда в Сибирь, в мае 1858 года, из Италии возвратился на родину Александр Андреевич Иванов, картина которого «Явление Христа народу» была выставлена в Зимнем дворце, а затем в Академии художеств. Не успевший увидеть полотно этого художника Ершов ожидал от Менделеева фотографию картины.

В апреле 1859 года Менделеев отправился в свою первую научную заграничную командировку для усовершенствования знаний в университете Гейдельберга. Он осматривал также лаборатории Бонна, Мюнхена, Парижа. За границей Менделеев находился до начала 1861 года. Это время значительных научных достижений молодого учёного, а также его путешествий по многим европейским городам, в которых он знакомился с памятниками архитектуры, посещал картинные галереи, начиная собирать фотографии и репродукции произведений живописи.

По возвращении домой в феврале 1861 года Менделеев получает письмо от своей старшей сестры и одновременно крёстной матери Ольги Ивановны с просьбой приехать в Москву для встречи. Ольга Ивановна после смерти первого мужа Ивана Петровича Медведева вышла замуж за декабриста Николая Васильевича Басаргина. После амнистии Басаргина переехали в подмосковное имение Новики. В мае Дмитрий Иванович увиделся с сестрой и многими декабристами, а в марте сле-

дующего 1862 года сестра приехала к нему в Петербург. Одиночество брата, безусловно, беспокоило Ольгу Ивановну, и в их личных беседах эта тема, по всей видимости, затрагивалась. В письме из Москвы от 12 апреля 1862 года Ольга Ивановна писала:

Подумай и ты о себе и только дай мне слово не жениться на неизвестной, не рассмотрев, не посоветовавшись. Не смею советовать по летам, но Ф. Н. премилая девушка; эта вернее многих по тем достоинствам, которые она имеет [26, с. 28].

Падчерица Ершова была старше Менделеева на шесть лет, но советы и письма сестры определили будущее Дмитрия Ивановича. В его дневнике за апрель 1862 года есть запись:

Писать больше и не могу и некогда, и мысли так врозь идут, и тяжело, и свободно – всё так мешается – не разберёшь, право. Надумал, наконец, долго раздумье брало, 10-го поговорил с Физой, а 14-го был женихом. Страшно и за себя, и за неё. Что это за человек я, право? Курьёзный, да и только. Нерешительность, сомнения, любовь, страх и жажда свободы и деятельности уживаются во мне каким-то курьёзным образом. Где всему этому решение – не знаю [7, с. 79].

29 апреля состоялось венчание Менделеева с Феозвой Никитичной в церкви Николаевского инженерного училища в Петербурге. Исследователь творчества Ершова В.Г. Утков упоминал в своей книге «Сказочник П.П. Ершов», написанной в середине прошлого века, о сохранившемся ершовском письме – ответе на приглашение Д.И. Менделеева приехать в Петербург на свадьбу [28, с. 160]. К сожалению, в последующих работах известного ершовского биографа ссылок на этот документ более не наблюдается, и местонахождение письма остаётся на сегодняшний день неизвестным.

После женитьбы Менделеева Ершов обращался к нему как к близкому родственнику, от которого всегда можно ожидать необходимой помощи. В НАМ СПбГУ хранятся два письма Ершова, впервые опубликованные В.Г. Утковым в журнале «Сибирские огни» в 1964 году [24, с. 178–180].

Письмо от 2 января 1863 года, адресованное Феозве Никитичне Менделеевой, говорило о сложном материальном положении Ершова, оставившего службу ещё в марте 1862 года. Обременённый большой семьёй, Ершов с нетерпением ожидал назначения пенсии и просил Дмитрия Ивановича посодействовать в скорейшем её назначении. В приложенной к письму записке излагалась также и сущность второй просьбы, связанной с задержкой выплаты гонорара за пятое издание «Конька-Горбунка» (1861 г.) книгопродавцем П.И. Крашенинниковым. А в письме от 4 мая 1863 г., поздравляя молодых родителей с первенцем – дочерью Машей, родившейся в марте месяце, Ершов благодарил Дмитрия Ивановича за участие в благополучно завер-

шившихся хлопотах о его пенсии (1080 р. серебром в год). Надеялся он и на то, что Дмитрий Иванович сможет довести до конца переговоры с Крашенинниковым, продолжавшим удерживать гонопар за сказку.

Последнее из сохранившихся писем, связанных с Менделеевыми (это и самое последнее из известных на сегодняшний день писем поэта), письмо Ершова к Феозве Никитичне от 9 августа 1866 г., которое находится в личном архиве В.Г. Уткова. Напечатанное с некоторыми отступлениями от оригинала в иркутском издании избранных сочинений Ершова в 1984 году, оно сопровождалось тремя замечаниями-комментариями исследователя. Изучение автографа этого письма продиктовало желание дополнить комментарии В.Г. Уткова новыми штрихами, касающимися родственного окружения Ершова и Менделеева во второй половине 1860-х гг. Для начала приведём это письмо, воссоздающее очень живо и ярко нравственный облик Ершова, его эмоции, фантазии и мягкий юмор, в полном виде:

Милая Феозва Никитична. Не знаю, кого винить – себя или судьбу, что все мои письма начинаются одной прелюдией – извинениями. Но кто бы ни был настоящим виновником неаккуратности, я всё-таки, за неимением лучшего, утешаюсь тем, что у меня есть всегда готовое начало письма – самая трудная статья и по риторике. А если прибавить к этому уверенность, что милая дочка не осердится на старого ленивца, то дело и не потребует переноса в мировой сход, и решится окончательно милой мировой судьбой.

Читая описание твоего летнего Эльдорадо, я чмокал губами, как Пётр Петрович Петух при заказе пирога, и если б ум человеческий достиг до того, чтоб можно было ездить по телеграфу: то поверь, я давно бы гулял в твоём армидином саду и рвал бы гесперидские яблоки. Но так как уму, как и всякому человеческому деятелю, положены границы, то и я ограничился только желанием когда-нибудь побывать в Вашем Эдеме, хотя бы в должности виноградаря. А как бы приятно было в какой-нибудь летний день, вскоре по восходе солнца, встретить в саду милую хозяйку и поднести ей корзину только что сорванных плодов. Милая улыбка была бы наградою для седого садовника, а ласковый привет помолодил бы его на несколько годов. Ты, верно, улыбаешься при чтении этих строк, но во всяком случае улыбнуться лучше, чем нахмуриться, и я не виноват, что ты так очаровательно описала свою летнюю дачу.

От идиллий перейдём к прозе. Живу я по-прежнему, т.е. после понедельника встречаю вторник, там среду и т.д. Перспектива будущего освещается только надеждою. Весь медицинский совет, т.е. все наличные тобольские доктора сказали, что болезнь моя неизлечима, и хотя в уте-

шение прибавили, что я могу прожить ещё довольно лет при известной обстановке, однако утешения их не много меня порадовали. Одна надежда моя на Того, Кто дал мне жизнь и Кто до сих пор хранит её. Без этой надежды давно бы дети мои были сиротами, а жена вдовою. Не удивляйся такому переходу в письме моём: я человек минуты. Чуть мне полегче, я готов ребячиться, как пятилетний шалун, а при перемене – смотрю как факир на кончик своего носа.

Это письмо я отправляю чрез Николая Никитича, не зная настоящего твоего пребывания. Обними уважаемого Дмитрия Ивановича и расцелуй своего малютку. Весь твой

П. Ершов [1].

«Летним Эльдорадо» и «Эдемом» Ершов называл имение Менделеевых Боблово под г. Клином Московской губернии, приобретённое Дмитрием Ивановичем в июне 1865 г. 6 мая 1866 г. Менделеев привёз сюда свою семью – Феозву Никитичну и родившегося 2 января 1865 года сына Владимира, дочери Маши в это время уже не было в живых, она умерла в шестимесячном возрасте в 1863 году. Боблово для Менделеевых – это не только место отдыха, но и опытная площадка, на которой Дмитрий Иванович начинал работы в новой для него научной области – агрохимии и сельском хозяйстве, посильную помощь в этом деле ему оказывала Феозва Никитична со своей сестрой – второй падчерицей Ершова – Александрой Никитичной.

Александра Никитична, в замужестве Бартенева, постоянно бывала в семье Менделеевых. В своих биографических заметках Менделеев оставил запись: «1878 г. Приехав из Баку в Боблово, заболел плевритом, лечился нефтью, ухаживала Александра Никитична» [2, с. 19]. И братья Феозвы Никитичны – Александр и Николай – входили в число близких Менделееву людей: в 1871 г. он отметил факт назначения Александра Никитича губернатором Келецкой губернии, входившей в состав Варшавского генерал-губернаторства [26, с. 330].

Самый младший Лещёв – Николай Никитич, через которого Ершов держал связь с Менделеевыми, в первой половине 1860-х гг. был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири А.И. Дюгамеле [19, с. 1], а в конце 1860-х поступил на службу в департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, то есть местом его пребывания стал Петербург [8, с. 287]. Проживая в столице, Н.Н. Лещёв принимал участие в изданиях «Конька-Горбунка», помогая тем самым выходить из затруднительного материального положения Ершову и его семье.

Документы из НАМ СПбГУ содержат новые сведения, связанные с издательской историей ершовской сказки. Как уже было сказано, 4-е и 5-е издания «Конька-Горбунка» были осуществлены

в 1856 и 1861 гг. книгоиздателем Петром Ивановичем Крашенинниковым. 9 июля 1863 г. Крашенинников умер, а его издательское дело перешло к его родственнику А. Крашенинникову.

Предполагая осуществить 6-е издание своей сказки у А. Крашенинникова, П. Ершов отправил Дмитрию Ивановичу доверительное письмо, которое было передано издателю. В сохранившейся записке А. Крашенинникова Д.И. Менделееву сообщается: «Доверительное письмо от Петра Павловича Ершова от 23 января 1865 г. к г. Менделееву, а также и условие на 6-е издание мною получено 11 марта 1865 года. А. Крашенинников» [12].

Интересна история 7-го издания «Конька-Горбунка» – последнего издания, вышедшего при жизни автора, в котором принимали участие Д.И. Менделеев и Н.Н. Лещёв, перебравшийся из Сибири в Санкт-Петербург на постоянное жительство. Первоначально Дмитрий Иванович собирался заключить договор на выпуск сказки с издательством «Общественная польза», по предложению которого он ещё в 1861 году написал учебник «Органическая химия», являющийся первым русским пособием по данной дисциплине [7, с. 99]. В 1867 г. Менделеев вёл переговоры с издателями «Общественной пользы». От этой переписки в архиве Менделеева осталось три документа.

В письме, датированном 15 декабря 1867 г. и отправленном Менделееву на бланке конторы товарищества «Общественная польза» от имени Фёдора Францевича, сообщается:

Милостивый государь Дмитрий Иванович! Пошлю к Вам условие по сказке г. Ершова, покорно прошу подписать его в таких словах: По письменному уполномочию Петра Павловича Ершова – к сему условию профессор Дмитрий Иванович Менделеев руку приложил. Как получу подписанное Вами условие, то завтра, вместе с копием сего условия вышлю к г. Ершову триста рублей [13].

Два других документа – записки сотрудников издательства, Н. Дементьева и Кошелева, свидетельствуют о каких-то затруднениях, возникших по данному вопросу:

Прошу не делать пока рисунков для Конька-Горбунка, кажется, ничего не будет, если же есть готовое что, то пришлите вместе с книгой. Ваш Н. Дементьев. 17 декабря 1867.

Начата виньетка для обёртки и два рисунка для заглавных листов с каждой части, но они ещё черновые, а потому я не могу их прислать. Кошелев [14].

Неудача с «Общественной пользой» побудила Д.И. Менделеева вновь обратиться к А. Крашенинникову, и ближайшим помощником в этом деле стал Н.Н. Лещёв. 22 декабря 1867 г. Николай Никитич написал письмо Крашенинникову:

Милостивый Государь. Я заключил с Профессором здешнего Университета Дмитрием Ивано-

вичем Менделеевым предварительное условие об уступке ему права на новое издание «Конька Горбунка» на следующих главнейших основаниях: 1. Г. Менделеев непосредственно или посредством кого-либо из знакомых ему издателей печатает 5 т. (пять тысяч) экземпляров сказки, заплатив мне в пользу автора, Г. Ершова, предварительно и при том сполна одну тысячу триста (1300) руб. сер. 2. Срок для распродажи сего издания назначается трёхлетний (3 года) со времени напечатания сказки. 3. Назначение продажной цены отдельного экземпляра «Конька» меня не касается и совершенно зависит от усмотрения Г. Менделеева.

Извещая Вас об этом, как бывшего издателя «Конька Горбунка», я прошу Вас, Милостивый Государь, известить меня: угодно ли Вам будет оставить и на этот раз право издания сей сказки за собою на вышеприведённых основаниях? В случае Вашего на то согласия, прошу как можно поспешить своим уведомлением, так как я и без того уже потерял не мало времени на переговоры с Вами по сему предмету. Я буду ожидать Вашего ответа до 6 часов пополудни 23 декабря, то есть до вечера субботы, который если бы Вам не удалось меня застать почему-либо дома, прошу дать письменно, во избежание всяких дальнейших недоразумений и проволочек. Молчание же Ваше мною будет принято за окончательный отказ.

Готовый к Вашим услугам

Н. Лещёв [15].

Возможно, это письмо не было отправлено, так как на следующий день Лещёв написал второе, в котором продлил срок получения окончательного ответа:

Милостивый Государь. Ввиду сделанных от Вашего имени и Вами самими заявлений известная Вам сделка моя с Товариществом Общественной Пользы о новом издании Конька-Горбунка не состоялась. Это обстоятельство поставило было меня в затруднительное положение по отношению к П.П. Ершову, которого я успел уже уверить в скором получении им денег за напечатание названной сказки. Но благодаря тому, что в настоящее время, в чём мне удалось убедиться, в продаже нет или почти нет экземпляров прежнего издания Конька, а между тем требования покупателей на эту сказку далеко не прекращаются, – затруднение моё миновалось и дело, сверх ожидания, приняло вновь благоприятный оборот. Право на издание Конька вздумал приобрести Д.И. Менделеев, и я решаюсь уступить ему такое, если не встречу в Вас соперника.

Вот главнейшие основания нашего предварительного условия:

1. Я уступаю Д.И. Менделееву право на издание Конька в 5 т. экз.

2. Автор сказки получает от него за это 1300 р.

3. Оплата производится немедленно вперёд и притом сполна.

4. Для распродажи Конька назначается трёх-летний срок со времени издания.

Извещая об этом Вас, как прежнего и постоянного издателя Конька, я прошу Вас в свою очередь уведомить меня: желаете ли Вы и за этим воспользоваться правами издателя и какие в таком случае окончательно предложите условия. Ответ я буду ждать в продолжение 3 или даже 4 дней, словом до 5 часов вечера 27 декабря, то есть последнего дня праздника. Если бы Вам почему-либо не пришлось застать меня дома, то я прошу Вас во избежание неопределённости и дальнейших каких-либо недоразумений, прислать мне ответ письменно. Молчание же Ваше будет мною принято за отказ на настоящее моё предложение.

Готовый к услугам

23 декабря 1867 г. [16].

Вероятно, эти условия были приняты, так как в 1867 г. «Конёк-Горбунок» был напечатан 7-м изданием в типографии 2-го отделения Собственной Его Императорского Высочества канцелярии.

Все вышеприведённые документы отчётливо свидетельствуют о том, что Д.И. Менделеев имел самое непосредственное отношение к 6-му и 7-му изданиям ершовской сказки.

И после смерти Ершова в 1869 году Менделеев продолжал заботиться о семье поэта. Скорее всего, не без его содействия поступил на философско-математический факультет университета (отделение естественных наук) старший сын Ершова Владимир. Это произошло в 1875 г., а в 1876 г. Менделеев пытался добиться для него стипендии, но учёному вежливо отказали в этом, заметив:

Как сын известного литератора, молодой Ершов мог бы, кажется, обратиться с ходатайством к Литературному фонду, выдающему студентам стипендии [17].

В 1881 году в университет поступил и второй сын Ершова – Николай, завершению образования которого воспрепятствовала ранняя смерть. К этому же времени относится развод Менделеева с Феофой Никитичной и его женитьба на Анне Ивановне Поповой. И всё же новый брак не помешает Дмитрию Ивановичу сохранить хорошие чувства к бывшей супруге. В своих биографических записях, составленных на закате жизни, он отметил: «1905 г. 6 декабря в Пензе у Лели (дочь Дмитрия Ивановича и Феофвы Никитичны Ольга. – Т.С.) скончалась Феофва Никитична [2, с. 28].

Дети Менделеева от второго брака слышали от отца имя Ершова. Иван Дмитриевич Менделеев в 1934 г. написал в своих воспоминаниях:

Сын учителя, потом ставшего директором Тобольской гимназии, отец вращался также с малых лет в кругу педагогов, среди которых, по его словам, были незаурядные личности. Таков был особенно Ершов, автор известной сказки «Конёк-Гор-

бунок», человек остроумный и талантливый, о котором отец сохранил самые тёплые воспоминания. Ершов был в то время учителем словесности и инспектором Тобольской гимназии [26, с. 351].

Тот же Иван Дмитриевич сообщил биографу, ученику и сотруднику Менделеева по работе в Главной палате мер и весов Михаилу Николаевичу Младенцеву о том, что

Дмитрий Иванович имел в своей библиотеке разные издания «Конька-Горбунка», любил, когда дети читали ему эту книжку и рассказывал сам, в свою очередь, об этом славном человеке [25, с. 38].

Сегодня в библиотеке Д.И. Менделеева при НАМ СПбГУ сохранилось только одно издание: П. Ершов. Конёк-Горбунок. Русская сказка. С 47 рисунками Е. Самокиш-Судковской. Издание 19-е. С.-Петербург. 1902.

Были ли известны Менделееву другие произведения Ершова? В архиве учёного есть автограф с записанным по памяти и по этой причине неточно воспроизведённым текстом эпиграммы Ершова:

*Не верил я в теорию Дарвина,
Покуда не узнал тебя,
Перерождённая скотина* [18].

В оригинале:

*До сих бы пор я отвергал
Ученье новое Дарвина,
Когда б тебя не увидел,
Перерождённая скотина* [6, с. 262].

В свои письма к друзьям и знакомым Ершов нередко включал собственные стихотворения. Данная эпиграмма, сочинённая уже в последние годы жизни поэта, могла быть отправлена Дмитрию Ивановичу в одном из таких посланий. Остаётся только сожалеть, что от этой переписки сохранилось совсем немного – письма Менделеева к Ершову пропали вместе с архивом поэта, но и это небольшое ещё не вошло в научный актив и нуждается в популяризации – как свидетельство многолетних и прочных отношений автора известной сказки и гениального учёного, близких по душевному складу личностей, появившихся на сибирской земле.

Библиографический список

1. Архив В.Г. Уткова (г. Москва).
2. Архив Д.И. Менделеева. Автобиографические материалы. Сборник документов. Т. 1. – Л., 1951. – 207 с.
3. Госархив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 15. Д. 417. Л.187 об.
4. Десять писем из прошлого / публ. и комм. Н.Г. Карпило // Менделеевский сборник. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 196 с.
5. Д.И. Менделеев и Тобольск / отв. редактор Ю.П. Прибыльский; сост. А.А. Валитов, Н.И. Загороднюк; Тобольская биологическая станция РАН. – М.: Наука, 2009. – 160 с.

6. Ершов П.П. Конёк-Горбунук. Стихотворения / сост., подготовка текста и примеч. Д.М. Климовой. – Л.: Сов. писатель, 1976. – 334 с.

7. Летопись жизни и деятельности Д.И. Менделеева. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1984. – 540 с.

8. Литературное наследство Сибири. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1969. – Т. 1. – 314 с.

9. НАМ СПГУ. 1 – Б – 56 – 1 – 41.

10. НАМ СПГУ. 1 – Б – 54 – 16.

11. НАМ СПГУ. 1 – В – 30 – 49.

12. НАМ СПГУ. 1 – В – 23 – 77.

13. НАМ СПГУ. 1 – В – 67 – 8.

14. НАМ СПГУ. 1 – В – 16 – 48.

15. НАМ СПГУ. 1 – Б – 27 – 15.

16. НАМ СПГУ. 1 – Б – 16 – 3 – 8.

17. НАМ СПГУ. 1 – В – 19 – 4 – 106.

18. НАМ СПГУ. 1 – А – 7 – 1 – 2.

19. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год – Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1864. – 202 с.

20. Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-Горбунук». Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. – СПб., 1872. – 200 с.

21. Писаржевский О. Дмитрий Иванович Мен-

делеев (1834–1907). – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1949. – 482 с.

22. Савченкова Т.П. П.П. Ершов и тобольская семья Жилиных // XIX Ершовские чтения. Межвузовский сб. научных и научно-методических статей. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2009. – 208 с.

23. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестёр, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве его племянницы Н.Я. Губкиной (урождённой Капустиной). – СПб., 1908. – 134 с.

24. Сибирские огни. – 1964. – № 7. – 202 с.

25. Тищенко В.Е., Младенцев М.Н. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Т. 1. Ч. 1, 2. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. – 268 с.

26. Тищенко В.Е., Младенцев М.Н. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период 1861–1890 гг. – М.: Наука, 1993. – 426 с.

27. Утков В.Г. Гражданин Тобольска. О жизни и творчестве П.П. Ершова, автора сказки «Конёк-Горбунук». – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1979. – 144 с.

28. Утков В.Г. Сказочник П.П. Ершов. – Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1950. – 168 с.

УДК 778.53

Стогниенко Александр Юрьевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
le_shevalier@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СЛОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ФИЛЬМА А.А. ТАРКОВСКОГО «СОЛЯРИС»

В данной статье рассматривается значение художественного пространства произведения искусства и конкретно его концептуального слоя в фильме А.А. Тарковского «Солярис». Автор приходит к выводу, что режиссер создает два пространственных образа, являющихся центром мира для главного героя – образа земного дома и образа библиотеки на космической станции, которые являются репрезентацией эмоциональных переживаний героя. Данные образы позволяют раскрыть внутренние глубинные процессы изменения мироощущения героя в динамике кинофильма.

Ключевые слова: перцептуальное пространство, концептуальное пространство, Солярис, пространственный образ, образ дома.

Художественное пространство можно определить в качестве интегральной характеристики «произведения искусства, совокупности тех его свойств, которые придают ему внутреннее единство и завершенность и в конечном счете наделяют его характером эстетического явления» [2, с. 5].

Художественное пространство делится на три независимых слоя, напрямую не связанных между собой: реальное, концептуальное и перцептуальное. Произведение искусства есть не что иное, как воплощение особой, состоящей из трех пространственных слоев реальности, в которой это произведение существует, подчиняясь собственным внутренним законам. Эти три слоя находятся в вертикальном подчинении

друг другу, то есть «если реальное время и пространство определяют сосуществование и смену состояний реально существующих объектов и процессов, то концептуальное пространство и время представляют собой некоторую абстрактную хроногеометрическую модель, служащую для упорядочения идеализированных событий. Это фактически отражение реального пространства и времени на уровне понятий (концептов), имеющих одинаковый смысл для всех людей. Что же касается перцептуального пространства и времени..., то оно есть условие сосуществования и смены человеческих ощущений и других психических актов субъекта» [1, с. 11].

К первому слою относится реальное пространство, выраженное физически реальным материаль-